

A photograph of a snowy courtyard. In the background, there is a large, multi-story red brick building with many windows. The trees in the courtyard are heavily covered in snow. In the foreground, there is a blue and yellow playground structure. A small blue bench is visible on the left side of the snow-covered ground. In the top right corner, there is a circular icon with the text "16+".

16+

Ирина Верехтина

Кто скажет мне слова любви...

Маленькая повесть

Ирина Верехтина

Кто скажет мне слова любви...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35341824

SelfPub; 2018

Аннотация

Нет у неё больше подруг и не будет. Можно ли считать подругой ту, которая на твоих глазах строит глазки твоему парню? Собственно, он уже не твой, он уже её, а ты улыбаешься и делаешь вид, что тебе безразлично, потому что – не плакать же при всех... В повести нет эротических сцен, она не совсем о любви, скорее – о нелюбви, которая – как наказание, карма, судьба, спорить бесполезно, бороться не получается. Сможет ли Тася разомкнуть безжалостный круг одиночества, сможет ли вырваться... Кто скажет ей слова любви?

Содержание

Глава 1. Как встретить день рождения	4
Глава 2. Как выяснить, что на уме у твоего парня	9
Глава 3. Приветик!	19
Глава 4. Виновник торжества	27
Глава 5. Николенька	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1. Как встретить день рождения

Свой сорок второй день рождения Тася встречала одна. Можно было пригласить Лену с Катей – бывших одноклассниц, с которыми Тася иногда виделась. Они бы непременно пришли, и весь вечер, перебивая друг друга и радостно тараторя, вспоминали школьные развесёлые времена... Почему-то воспоминания о школе и детстве принято считать радостно-светлыми, разноцветно-весёлыми и безмятежно-счастливыми. Тася так не считала. Ей не хотелось – вспоминать. И она никого не пригласила.

С утра устроила уборку, скатала в рулон ковры, сняла покрывала с дивана и кресел, вынесла во двор и долго чистила снегом, азартно колотя по ним бадминтонной ракеткой. От снега ковры налились свинцовой тяжестью и стали неподъёмными, а их ещё надо было донести до подъезда, втащить по лестнице к лифтовой площадке и втиснуть в лифт, а потом вытащить из лифта и внести в квартиру. Тася выбилась из сил, а ковры надо было ещё раскатать и расстелить по своим местам – то есть во всех комнатах и в коридоре. Тася подумала, что не сможет этого сделать, потому что сейчас умрёт от усталости, которая навалилась на неё тяжелой волной, сковывающей движения, парализующей волю. Вол-

на что-то лениво нашёптывала в уши, но Тася заставила себя стряхнуть с плеч её дремотные объятия и заняться делом.

Бросив на пол последнюю дорожку, она ощутила непреодолимое желание лечь и немножко полежать... Почему бы нет, она ведь заслужила – отдых! Кто ей запретит? Улеглась на полу, испытывая райское блаженство и уткнувшись в ковровую дорожку лицом. Дорожка пахла подтаявшим снегом и морозной сладкой свежестью. Тася явственно ощутила запах весны, хотя была ещё только середина февраля, и весной на улице не пахло. А в квартире у Таси – пахло! Тася могла в этом поклясться, хотя клясться ей было некому.

Ещё она поменяла местами кухонный стол и холодильник (отчего кухня стала словно бы не её, Тасиной, а чужой, незнакомой) и повесила новые занавески. Занавески были Тасиной гордостью: она сама выкроила их по рисунку в журнале и сшила на машинке, и теперь они красовались на кухонном окне – сказочно красивые, с ламбрекенами и длинной шелковой бахромой.

Когда вся квартира сверкала и блестела, Тася взялась за антресоль. И в дальнем углу обнаружила старый, выдавший виды рюкзак, выбросить который у неё никогда не хватало сил: с ним было связано столько воспоминаний... Собственно, сам рюкзак был воспоминанием – зеленый, с брезентовыми лямками и ремнями из свиной кожи. Таких теперь не делают. Рюкзак был – из Тасиной юности.

Тася достала рюкзак и, обтерев мокрой тряпкой от пыли,

принялась исследовать его содержимое – впрочем, знакомое ей как свои пять пальцев: тетради с институтскими лекциями по стилистике, эстетике и истории искусств; блокнот с юношескими стихами... Тася писала стихи. Подруги говорили – хорошие. Но из издательства «Юность», куда она, набравшись храбрости, отправила стихи ценной бандеролью (поехать самой не хватило мужества), блокнот вернулся, как догадалась Тася, так ни разу и не раскрытый. Вместе с блокнотом в конверте лежал тоненький листок – полстраницы машинописного текста. Листок скупко сообщал Тасе, что план издательства утверждён на два года вперёд, и её стихи, к сожалению, напечатать не могут. Стихи ей тактично предлагали отправить в другие издательства, но она больше никуда не обращалась, поняв, что последняя фраза – просто акт вежливости, как и слово «к сожалению», и её стихи никому не нужны. Как и она сама.

Кроме тетрадей и блокнота, в рюкзаке обнаружился Тасин дневник двадцатилетней давности. Дневник Тася решила оставить на десерт. Закончив разбирать антресоль, вымыла полы, отдраила жесткой щеткой плитуса (покрасит летом) и блаженно вытянулась на диване, чувствуя, как гудят усталые ноги. Вот теперь можно открыть дневник. Хотя зачем? Она всё помнила. Такой характер: ни о чём не забывала, сколько бы лет ни прошло...

За окнами бесновалась метель и ничего нельзя было разглядеть: дома и деревья исчезли в белых сумерках, словно

чья-то рука стёрла их ластиком с белоснежного листа бумаги. Мир стал белым листом. Ничем. А четырнадцать лет назад в этот день – день её рождения – всю светило солнце. Только радости на душе не было, а было как сейчас – бело и непроглядно. И не хотелось жить. Тася закрыла глаза и погрузилась в воспоминания...

Двадцать восьмой день рождения она встречала вдвоем с мамой (это был семейный праздник, гостей на него не приглашали, как и на новый год). А могли бы – втроём, но Тасин папа умер за пять дней до её дня рождения.

В проектном институте, где работала Тася, на день рождения «виновник торжества» покупал торт, и всей машинописно-корректорской группой устраивали чаепитие. В группе было шестнадцать человек, так что праздников хватало. Эти чайные посиделки всем поднимали настроение, и нельзя было понять, кто именинник – у всех радостные и счастливые лица, все гомонят, перебивая друг друга и смеясь, у всех светятся глаза, у всех праздничное настроение.

Тася тогда купила два торта: один на день рождения, другой на поминки. Чай пили молча. Тасю никто не поздравлял, никто не улыбался, сказали только: «Ну, зачем ты... Не надо было...». Тася согласно кивала в ответ и изо всех сил сжимала губы, чтобы не заплакать.

Дома её ждал накрытый стол, на котором стояло три прибора (третий – папин). Они с мамой в молчании сели за стол,

молча подняли бокалы. Отец смотрел на них со стены и улыбался. Тася дружески ему кивнула и тоже улыбнулась – через силу, потому что хотелось плакать. И подумала о том, что папа всегда-всегда будет с ними, пусть и – на стене.

– Ты бы подружек пригласила, что тебе со мной сидеть? – сказала мама. Но Тася помотала головой: ей никого не хотелось видеть, да и приглашать было некого: последний год она почти ни с кем не общалась, старательно обрывая все связи и не отвечая на телефонные звонки. – «Мама, скажи, что меня нет. Что я уехала. Что я здесь больше не живу!» – и уходила к себе, не дожидаясь ответа.

Нет у неё больше подруг и не будет. Можно ли считать подругой ту, которая на твоих глазах строит глазки твоему парню? Собственно, он уже не твой, он уже её, а ты улыбаешься и делаешь вид, что тебе безразлично, потому что – не плакать же при всех...

Глава 2. Как выяснить, что на уме у твоего парня

В студенческие времена у неё было много подруг, они любили собираться у Таси на девишники (парней на факультете было всего четверо, а к четвертому курсу не осталось ни одного) – слушали музыку, танцевали, гадали на картах и на кофейной гуще... По воскресеньям всей компанией отправлялись в Парк культуры и отдыха, катались на речном трамвайчике, ели мороженое и до мельтешения в глазах крутились на аттракционах. Было суматошно и весело. Потом подруги одна за другой вышли замуж, и неожиданно для себя Тася осталась одна. Парень, которого она считала своим женихом и который ухаживал за ней уже полгода, её предал. То есть, это Тася так считала, что предал, а парень не считал.

Он ничего ей не обещал и не говорил, что любит, так что – какие претензии, подружили и разбежались. Претензий Тася не предъявляла, просто старалась не попадаться ему на глаза и чувствовала себя так, словно была в чем-то виновата. В чём?..

Парня у неё увела подруга – как говорится, из-под носа. Тася сама пригласила Галю в свою компанию, да ещё и уговаривала! Компания (тренировочная группа Московского городского клуба спортивного туризма) была молодая, спор-

тивная, дружная и весёлая. Тасю к ним привела подруга, с которой они занимались в школе-студии современного танца и без которой Тася никогда не узнала бы о существовании походов выходного дня.

Вы спросите – зачем она привела в группу Галю? Цель была вполне определенная. В группе за Тасей ухаживал парень. Давно уже, с полгода, но как-то странно: держался всегда рядом, разговаривал только с Тасей, остальных претенденток на престол (как Миша называл женский состав группы – и никто на него не обижался, потому что так и было на самом деле) он словно не замечал.

Тасе льстило, что Миша всем нравится, что из всех он выбрал её, Тасю, и всем дал это понять, в своей шутливой манере... Но что-то в Мишином поведении её тревожило: Миша не делал в их отношениях никаких шагов – ни вперед, ни назад. Впрочем, последнее несколько успокаивало.

– Мишка у нас такой, ни одной юбки не пропустит! – говорили Тасе девочки. – Ты в группе первый год, а он уже вокруг тебя крутится, ни на кого не смотрит.

Девчонкам верить не хотелось. Это они от зависти говорят. Мишку ни одна из них не упустила бы, но он никому не «давался в руки». Только Тасе. Вот и наговаривают напраслину...

Девчонки завидовали Тасе и тихонько злились, а она никак не могла понять, любит её Миша или просто развлекается, крутится вокруг, как единодушно сформулировал жен-

ский состав группы. Они давно его знают, а Тася в их группе всего полгода. Вот и привела Галю – похвастаться женихом и заодно выяснить, что у него на уме.

Новеньких в группе встречали приветливо. И безоговорочно принимали в свой круг (если ты молод, лёгок на подъём, и двадцать пять километров по пересеченной местности в кедах или резиновых сапогах тебя не испугают). Галя подходила по всем параметрам, и Тася была уверена – она получит немалое удовольствие от похода и найдёт здесь друзей. Если бы она знала, чем закончится этот день...

Тася заботливо проинструктировала подругу – что надеть, что взять с собой, как собрать рюкзак.

– У вас там ребята хоть есть, или одни девушки? – спрашивала Галя.

– Ой, да ребят у нас больше, чем девчонок!

Галино любопытство не знало границ, и незаметно для себя Тася рассказала ей обо всех – кто с кем дружит, кто чем увлекается. Она и о Мише рассказала, стараясь ничем не выделять его из всех.

– Этот Миша, он странный какой-то, и вообще... Не поймёшь, что у него на уме, – забывшись, брякнула Тася, и Галя сразу ухватила самую суть:

– А что у него на уме? Или – кто?..

– Да никто! – отмахнулась Тася и покраснела. Галя прицепилась к ней как репей.

– А он что, нравится тебе? Симпатичный хоть?

Тася молча пожала плечами.

– У тебя с ним... серьёзно? – приставала Галя, и Тася уже жалела, что рассказала ей про Мишу.

– Да ничего серьёзного, так просто, – смутилась Тася, которая вовсе не горела желанием посвящать подругу в свою личную жизнь. И неожиданно решилась:

– Галь... А если я тебя попрошу... Ты присмотришь к нему. Приглядишь, пообщайся... если он захочет. Он вредный, если не захочет, его не разговоришь, будет всю дорогу молчать... А потом расскажешь, как он тебе... Договорились? – заторопилась Тася, испугавшись, что подруга откажется от такого не очень-то деликатного поручения. Вопреки её опасениям, Галя восприняла предложение с энтузиазмом и даже предложила составить план действий.

По замыслу Таси, Галя должна была познакомиться с Мишей (Тася сама их познакомит, представит Мише Галю как свою лучшую подругу, а дальше дело пойдёт само – Галя умела разговорить кого угодно, обладая редкой способностью говорить ни о чём) и выяснить, что он думает о Тасе.

– Только ты мне не мешай, – сказала Галя. – И рядом не иди. И не переживай, всё будет понарошку. Я потом тебе всё расскажу. Если мы будем всё время вместе, как же я у него о тебе спрошу?

На том и порешили.

Вышло всё – не так. Едва увидев Мишу, Галя буквально повесилась ему на шею. Она очень натурально изобразила

испуг, когда переходили вброд мелкую речушку – да что там речушку, просто ручей! Но Галя громко объявила, что сапоги у неё короткие, промочит ноги и простудится, и весь день ей придётся идти в мокрых сапогах... брррр!

– Так сними, – предложил Миша, с которым она предусмотрительно оказалась рядом.

– Ага, сними... Вода-то ледяная!

– Да откуда она ледяная, просто холодная. Обыкновенная. Ничего с тобой не сделается, перейдёшь, тут пять шагов всего.

– Это тебе пять шагов, а мне все десять. Вон у тебя ноги какие длинные... и сам высоченный! Метр девяносто?

– Метр восемьдесят пять, почти угадала, – улыбнулся польщенный Миша.

– А меня на тот берег слабо перенести? – не растерялась Галя. И ловко устроившись в Мишиных руках, обняла его за шею, зашептала в ухо...

Миша рассмеялся. Радостно пёр свою драгоценную ношу через речушку, громко бухая сапогами. Запоздало оглянулся на Тасю: «Ты в сапогах? Перейдёшь? Здесь мелко...» И больше уже не оглядывался.

Шёл, держа за руку Галю, которая испуганно ойкала, по минутно оскальзывалась на устилавших тропинку прелых листьях, старательно спотыкалась о каждый камешек и цепляла рюкзаком за каждую ветку. Тася знала, что она нарочно спотыкается, чтобы Миша был рядом. Он вёл её за руку всю

дорогу, весь этот нескончаемый день. Или это Галя его вела? И увела – от Таси!

После привала (на котором Галя не отпускала Мишу ни на шаг, расспрашивая о походах и восхищаясь на все лады. Миша, что называется, клюнул и повёлся) Миша с Галей шли последними, пропустив группу вперёд – Галя мастерски изображала усталость... Тася всё оглядывалась на них, пока они вовсе не исчезли за поворотом и больше не появлялись в поле зрения.

– Ой, Галя моя пропала! Отстала! – всполошилась Тася. – Давайте её подождём!

– Не переживай, Таисия! – это Мишин приятель Валерка. Он один звал её всегда полным именем – Таисия. Валерка не мог допустить, чтобы девушка его друга огорчилась, и вот – пришёл на помощь. Помощник, тоже ещё мне... Получилась не помощь, а медвежья услуга.

– Ты за неё не волнуйся. Она там не одна, она с Мишкой (сзади сдавленно засмеялись, Тася начала медленно краснеть, а Валерка то ли не слышал, то ли не понял). Мишка этот лес как свою квартиру знает, с ним не пропадёшь!

Тасе некстати вспомнился разговор, от которого у неё осталось ощущение брезгливости – словно зачерпнула в ладони вязкую болотную грязь.

– Миш, что ж ты девушку в гости не приглашаешь? Тась, у Мишки знаешь какие хоромы? Он в центре живёт, в высотке на Калининском(Новый Арбат).

Тася знала, что – в центре, но «в гости» ни за что бы не поехала, и теперь с волнением ждала Мишиного ответа.

– Да у меня ремонт, – громогласно объявил всем Миша и повернувшись к Тасе, столь же громогласно продолжил: «Но ты, если хочешь, приезжай вечером как-нибудь».

– Зачем же я поеду, если у тебя ремонт? – включилась в игру Тася. – И что мы там делать будем? Там грязи, наверное, по колено. Ты, наверное, и сапоги не снимаешь, когда из похода приходишь, – поддела его Тася.

– А то! Конечно, не снимаю! – довольно улыбнулся Мишка. – А зачем? Пылища кругом, цемент... Ты приезжай давай. На ночь останешься, обои клеить будем, как раз к утру закончим.

– Кто же ночью обои клеит? – удивилась Тася, которой активно не нравился этот диалог, но как говорится – тема задана, зрители ждут, молчать не получится. – Ночью темно, как же в потёмках рисунок подбирать?

– Ночью лучше всего! – авторитетно заявил Мишка. – Ночью очень удобно, всё равно ведь не видно... А ты говоришь, рисунок подбирать! Да какой рисунок, можно любой стороной клеить, ведь не видно ничего... А утром, как говорится, стерпится-слубится.

Вся компания согласилась с ним и долго хохотала. А Миша обнял Тасю за плечи и примирительно забубнил: «Ну чего ты, шуток не понимаешь, что ли... Я ж пошутил!». Тогда они тоже шли позади группы. Как сейчас Галя с Мишей. С

её, Тасиным, женихом.

– Они давно уже отстали, – зачем-то сказала она Валерке.

– Ну, отстали, ну и что? – загудел добродушно Валерка. – Они же не дети, они взрослые уже. Отстали – значит, захотели... отстать. Догонят! – под общий смех заключил Валерка.

От такого доходчивого объяснения Тасины и без того красные щёки запылали кумачом. Ей было невыносимо стыдно за Галю. Впервые появилась в группе и сразу «отстала», да не с кем-нибудь, а с Тасиным парнем! В группе давно привыкли, что Тася с Мишей всегда шли вдвоём, а сейчас она одна, Миша «отстал» с её подругой, а добряк Валерка ещё и утешает её, Тасю, понимая, в каком незавидном положении она оказалась. «На миру и смерть красна» – вспомнилась глупая поговорка. Тасе она не подходила, ей ещё хуже было – на миру. Сдерживая близкие слёзы, она не обращала внимания на Валерку, который, похоже, решил заменить ей Мишу. От этого она ещё больше обижалась и злилась.

На последней десятиминутной остановке, перед самой станцией, к ним присоединилась Галя, с покрасневшимся от быстрой ходьбы лицом, запыхавшаяся и злая.

– Еле догнала! Можно подумать, вы на пожар торопитесь!

– Не-еее, на пожар мы бы так не бежали, зачем бежать, без нас сгорит... Мы на электричку бежим. Следующая только через два часа, – резонно возразили Гале (каков вопрос, таков ответ, у них в группе иначе не бывает).

– А Миша где? – подступила к ней Тася.

– Не знаю! Ушёл. Что ты привязалась ко мне, сама ищи своего Мишу! – зло ответила Галя.

– За Мишку не беспокойтесь, – встрял вездесущий Валерка. – Он тут все дороги знает наперечёт, ночью не заблудится. Да он, наверное, уже на платформе, нас дожидается. Он всегда так, любит один... Грибов ещё наберёт по дороге, и раньше нас придёт, вот увидите!

Так и вышло. Когда они наконец пришли на станцию, там уже маялся Миша.

– А я ждал, ждал... В магазин ходил. Так себе магазинчик. Но пиво там есть! – Миша всё рассказывал, как ждал группу, как пил пиво, как скормил собаке колбасу, которую купил себе, но ей тоже хотелось, а денег у неё не было... Мише остался хлеб, который пах колбасой, и если закрыть глаза, то можно представить...

Группа хохотала и подначивала, Мишка радостно балаболит, старательно не замечая Тасю. Она к нему не подошла, стояла в сторонке, с хмурой и обиженной на весь свет Галей. Наконец подошла электричка, и Тася вздохнула с облегчением.

– Пойдём в другой вагон. Я с ними не хочу, – заявила Галя. Они сели в соседний вагон, и Тася всё ждала, что вот сейчас к ним придут ребята (Миша!) и скажут: «Что это вы тут одни сидите, пошли к нам, у нас веселей, и баранки ещё остались, и чай!».

Но к ним никто не пришёл, и всю дорогу Тася ехала одна.

«Нет, не одна, а вдвоём с Галей, – поправила себя Тася. И возразила самой себе. – Нет, всё-таки одна».

Мишу она с тех пор не видела – сначала не хотела видеть, а потом от кого-то услышала, что Миша уехал на Сахалин. Насовсем уехал. Не попрощался даже, не позвонил.

Глава 3.Приветик!

Миша позвонил через тринадцать лет, и вёл себя так, словно они не виделись всего-то пару недель. Позвонил, чтобы снова причинить ей боль.

– Приветик! Не узнала? Это Миша Копчугов.

–Ты... с Сахалина звонишь? – спросила Тася, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Нет, я в Москве. Я часто в Москву приезжаю, по делам фирмы. Работа такая. Вот решил позвонить. Ведь дружили когда-то... Помнишь хоть меня? А я всё помню! И как ты меня пригласила в гости, и как твоя мама поила нас чаем с пирожками. С повидлом. И квартиру твою помню. Такая уютная двухкомнатная квартирка, и коврики вышитые кругом... Слушай, давай встретимся где-нибудь? Поговорим... Столько лет не виделись... Давай, а?

У Таси упало сердце: двухкомнатная квартира была у Гали, Тася жила в трехкомнатной, с родителями и бабушкой, маминой мамой, и никогда никого не приглашала к себе домой. Это у Гали он пил чай, а красивые коврики вышивала Галина бабушка. Тася много раз была у Гали дома, в квартире повсюду висели и лежали узорчатые салфетккик ришелье, коврики-гобелены, искусно расшитые цветами скатерти, на стульях – нарядные чехлы... Стулья были старыми, как и вся мебель, а под чехлами и ковриками казались новыми.

Все эти годы она не вспоминала о Гале, а сейчас вспомнила – и в сердце вонзилась острая игла: это у неё Миша угощался пирожками, Галя мастерица печь. И чужих женихов приманивать мастерица, вот и пригласила – Тасиного, с мамой познакомить... на второй день знакомства, стыд-то какой, Тася никогда бы не посмела! А он и не помнит, у кого чай пил... «Он меня совсем не помнит. С Галей перепутал. У него, наверное, много было таких Галь».

– Ты меня не помнишь совсем, – спокойно сказала Тася. – Ты, наверное, Гале хотел позвонить, а позвонил мне. Хочешь, дам телефон, и она тебя опять накормит пирожками.

(Боже праведный, что она такое говорит! Сейчас он скажет – ну давай, диктуй...)

– Да нет, я тебя помню. У тебя волосы темные, а у Гали светлые. Ты на пианино играешь, на лыжах бегаешь и на коньках, помнишь, мы на каток с тобой ездили («Ездили, но лучше бы не ездили: Мишка катался как слон, падал с завидной регулярностью и злился на Тасю, за то что она не падала»).

– И в гостях ты у Гали был, не у меня, – перебила его Тася. – Адрес напомнить?

...Не хватало только расплакаться перед ним, не хватало только... Не позволяя себе слёзы, Тася говорила резко, с равнодушно-отстранённой интонацией. Точнее, совсем без интонации. Так легче было – говорить. Миша не отозвался, и

она повторила вопрос:

– Адрес-то помнишь? В соседнем доме она живёт, туда и звони, с ней и встречайся! – бухнула Тася в молчащую телефонную трубку.

– Да есть у меня Галин адрес, и телефон есть. Я... тебя хотел увидеть, – неловко признался Миша, и Тася ему не поверила.

– А зачем? У тебя своя жизнь, у меня своя. А Галя развелась недавно осталась вдвоём с дочкой, мама умерла семь лет назад, так что давай, звони. Она обрадуется. И на чай пригласит.

– Подожди, подожди... Развелась она или нет, меня это не касается. Я с тобой хотел... – обиженно забубнил Миша, и Тася не поняла, на что он обиделся. И неожиданно сказала:

– Я тоже хотела – с тобой. Тринадцать лет назад. А теперь не хочу.

– Да погоди ты! Ты же не знаешь всего... Мне тогда письмо пришло, с Сахалина. Дочка у меня там родилась. И сын. Близняшки. А я и не знал! Вот и поехал, женился. А что прикажешь делать? Двое ведь у меня, двое детей, понимаешь ты?!

– Так ты и на Сахалине... чай пил. Я думала, тебе Галя нравится, а ты не только меня, ты и Галю обманывал?! Какое же ты дерьмо...

Тася аккуратно положила трубку на рычаг. Сейчас он позвонит ещё раз, и хочешь не хочешь, ей придется выслушать,

что он скажет в своё оправдание. Впрочем, он уже сказал. Так зачем же она ему нужна? Она любила его, очень долго. А теперь не любит. И ни ей, ни ему не нужна эта встреча.

Телефон молчал. Она поняла, что Миша не будет больше звонить. Всё правильно, она так и хотела. Отчего же так тяжело на душе? Как тринадцать лет назад...

Тогда ей было очень больно, и не хотелось жить, и не хотелось никому верить. Тася переживала свою первую любовь так сильно, что не смогла скрыть этого от Вики, с которой они вместе работали. Вика была настоящей подругой, не то что Галя. И пригласила Тасю на вечеринку к своему другу. Тася не хотела идти, Вика мягко настаивала, и уговорила-таки, и Тася неожиданно для себя самой познакомилась с Толиком. Толик был уроженец Дагестана, учился в московском вузе, жил в институтском общежитии на юге Москвы и по-русски говорил без акцента.

– Ты почему так поздно учиться надумал? Почему не сразу после школы? – допытывалась Тася.

– Я после школы работал, сестре помочь надо было, родители нас двоих не потянут, тяжело им. Когда замуж вышла, в институт поступил, с четвертого курса в армию забрали, отслужил, вот решил доучиться, – обстоятельно рассказывал Толик. – Перевёлся в Москву, в такой же институт, восстановился. Теперь на третьем курсе учусь. А по выходным вагоны разгружаю. Платят сдельно, мы с ребятами каждое воскресенье ездим. Стипендии-то не хватает, а так ничего, и жить

можно, и родителям посылаю.

– Что посылаешь? – не поняла Тася. Ведь это родители должны были посылать ему деньги, стипендия – то ли будет то ли нет, да на неё не проживёшь, а ему надо одеваться, и на питание надо, и развлекаться тоже надо, в кино сходить хотя бы... Так почему же – всё наоборот?

– Деньги посылаю, каждый месяц.

– У них разве нет?

– У них есть, но так принято. Они меня растили, а теперь я им помогаю... Да ты не волнуйся, на разгрузке платят хорошо, мы с ребятами не ленимся, – усмехнулся Толик, и Тася удивилась – уже в который раз за сегодняшний вечер! Она ведь не сказала ничего, а он ей ответил. Откуда знает, о чём она думает?

Тасе нравился этот скромный и вежливый парень, к которому она испытывала уважение. Разгружает вагоны. Родителям денежные переводы шлёт. А наши с родителей тянут, лет до тридцати. А после тридцати они уже внукам помогают, пока на пенсию не выйдут, а после и от пенсии отщипывают, исхитряются – внуку любимому на шоколадку, на снуборд, на смартфон, на «Хонду» денегат сколько-нисколько подкинуть, не на «Ладе» же ездить? Как не помочь – любимым внукам? А этому никто не помогает, он сам помогает, вагоны разгружает. Тяжело, наверное...

– А тебе не тяжело? – глупо спросила Тася.

– Я мужчина. Тяжело, конечно. Поначалу было здорово

тяжело, потом ничего, нормально. Привык.

– А ты где служил? В каких войсках?

– В Афганистане. Ты подружкам своим не рассказывай, ни к чему это. Видишь, какая штука... Целым вернулся, поцарапало только. Повезло. Другу моему не повезло... – губы у Толика задрожали, он вдруг замолчал. Тася словно чувствовала его боль, и как ему трудно говорить. Но Толик продолжил:

– Домой нас отправляли. Последняя ночь, утром самолёт. Вечером в казарме сидели, радовались, что домой завтра. Он за водой к колодцу вышел, у нас колодец во дворе, шагов пятнадцать всего... Ну, он и пошёл... – Толик повторялся в словах, не в силах сказать главное. – У колодца его снайпер застрелил. Мы всей казармой матери его письмо написать хотели, чтобы она не казённый ответ получила, чтобы по-человечески. Весь вечер писали... что героически погиб. Он ведь героем был, войну прошёл... Он героем был! – повторил Толик, и Тася согласно закивала головой. – Так и не смогли написать, ведь пиши не пиши, а Витьку не вернёшь, мать не увидит его, никогда не увидит. На фотографиях только. Плакали мы, – признался Толик. Из Тасиных глаз брызнули слёзы.

Он поцеловал её в глаза, смывая слёзы губами, и улыбнулся: «Солёные, как море... Не плачь. Аллах его душу взял, она теперь в ком-то другом живёт, Витькина душа, – буднично сказал Толик, и Тася как-то сразу ему поверила, и ей стало

легче... – А матери Витькиной мы помогаем, деньги шлём, и приезжаем каждый год, на годовщину. Ну, там... Сарай поставить, забор подправить, крышу... Сена накосить на зиму. Мы теперь вместо Витьки – её сыновья. Мы все.

У Таши сдавило горло от этих слов, она взяла его руку в свои, ощутила загрубелые мозоли... и поцеловала, прямо в ладонь. Толик обеими руками взял её лицо и, запрокинув ей голову, поцеловал уже по-настоящему. Дома Тася подошла к зеркалу – губы распухли и немного болели, и эта боль доставила ей удовольствие.

Толик позвонил на следующий день и пригласил в кино. Потом на футбол. Потом на спидвей. Потом на вечер юмора. Потом на балет... И каждый раз дарил ей букет гвоздик – Та-синых любимых, розовых. И откуда он знал, как догадался?..

–Толик! Зачем ты так тратишься каждый раз? – протестовала Тася, но Толик только усмехался. И смотрел на неё, не в силах оторвать глаз.

– Моя девушка всегда должна быть с цветами в руках. Пусть все видят! – объяснил Толик, и Тася не поняла, при чём тут все? Она любит его просто так, без цветов и подарков, ей ничего не надо. Но Тася молчала, боялась его обидеть, боялась, что не поймёт. Он совсем другой...

Тася многого не понимала из того, что объяснял ей Толик. Он рассказывал об обычаях и традициях, о том, как следует вести себя мужчине, и как – женщине. Получалось что

мужчине позволено всё. А женщине непозволительно даже обидеться на него за это. Тася слушала и молчала, и Толику нравилось, что она молчит. Не возражает, значит, согласна. А ей просто не хотелось его обидеть. Пусть себе говорит... Главное – он любит её и хочет сделать своей женой. Он сам ей это сказал.

– Поедем к моим родителям, дадут благословение, женюсь.

– А если не дадут? Если я им не понравлюсь? – спрашивала Тася.

– Понравишься. Ты только молчи. Ничего не говори. Дадут благословение, тогда можешь говорить что хочешь, тогда уже всё равно, – улыбнулся Толик, и Тася снова его не поняла... Переспрашивать она не решилась.

Глава 4. Виновник торжества

В начале весны Толик пригласил её на день рождения. Та-се почему-то не хотелось ехать, тем более в общежитие. – «Не хочешь? Не приедешь, значит?» – растерянно переспросил Толик. Оттого ли, что он не настаивал и не уговаривал, и голос у него был какой-то несчастный, Тасино сердце затопила горячая волна нежности. Да что она, в самом деле! В Москве у него никого нет, только Тася, ему некого больше пригласить, а она отказалась. Да что она, в самом деле! Наверное, Толик хочет показать друзьям свою будущую жену, похвастаться. У Таси радостно забилося сердце... Будущая жена! А потом они поедут к его родителям, в далёкое дагестанское село Или это аул? Тася никогда не была в Дагестане. Толик рассказывал, что у них большой дом, большой сад... А мандарины в саду не вызревают, им зимой холодно. Поэтому они растут прямо в доме, в кадках. А весной их выносят в сад.

Тася слушала и не верила...

– Не веришь? Увидишь, поверишь, – заглядывая ей в глаза, смеялся Толик. Скоро она увидит всё своими глазами. Толику дадут квартиру в Москве, он сказал, что ему полагается, как «афганцу». У них будет семья, и обязательно – сын и дочка. Обязательно!

Тася ехала и радовалась – все двадцать три остановки, до

самого Тёплого Стана. К Толику они отправились втроём – Тася, Вика и Танечка. Толик сам попросил её взять с собой подружек: «И тебе спокойней, и ребятам будет с кем танцевать». От метро пришлось ехать на автобусе – целых шесть остановок, потом они долго не могли найти нужный им дом, расспрашивали редких прохожих – «Извините, Вы не подскажете?..». Когда наконец добрались до общежития, Тасино радостное настроение исчезло, сменившись неясной тревогой. В дурные предчувствия Тася не верила, чепуха это всё, сказки! Глубоко вдохнула, прогоняя охватившее её чувство тревоги, и с замершим сердцем нажала на кнопку звонка.

Дверь открыл мужчина лет тридцати пяти с внимательным взглядом цепких чёрных глаз. Глаза Тасе нравились. Она улыбнулась – этим глазам, их симпатичный обладатель отступил на шаг, впуская девушек в квартиру, после чего не произнеся ни слова ушёл в свою комнату. Тася услышала щелчок запираемой двери. Всё правильно, это ведь общежитие...

В конце коридора открылась ещё одна дверь, и з неё гурьбой высыпали ребята – однокурсники и друзья Толика. Последним, широко улыбаясь, вышел «виновник торжества». За эту его улыбку – с прищуром лучистых глаз цвета тёмного мёда, с нездешним изгибом вишнёвых губ (они и сладкими были, как спелые вишни, его губы) – за эту улыбку Тася безоглядно прощала ему всё. А прощать было что...

Как оказалось, они пришли не к Толику (что неприятно

поразило Тасю): комната принадлежала его другу Анвару, у которого и собрались отмечать день рождения Толика. Сам же именинник жил в соседнем подъезде. Впустивший их в квартиру молчун оказался соседом Анвара. Ребята называли его Старым. На вопрос Таси, почему Старый заперся у себя в комнате вместо того, чтобы присоединиться ко всем, Толик недовольно буркнул: «Да ну его! Старый – он и есть старый, он всегда такой. Сидит у себя как сыч и телевизор смотрит. Дверь ни за что не откроет, хоть ногами стучи... Там на кухне курица, – сменил Толик тему. – И мы не знаем, что с ней делать. Помоги, а?»

Всё дальнейшее вышло как-то сумбурно и не так, как хотелось Тасе. Толик поцеловал её в щёку, пристроил на вешалку её пальто. Не взглянув на подарки, сложил на столик в прихожей и продолжил разговор о курице, которая попалась упрямая и никак не желала размораживаться. – «Пятнадцать минут уже... – обиженно бубнил Толик, и Тасе стало смешно: на курицу обиделся! Ничего-то он без неё не может... И они с Танечкой и Викой, наскоро посмотревшись в зеркало, поспешили на кухню, где их ждал сюрприз – из налитой до краёв раковины вызывающе торчала жирно-белая куриная гузка. Тася видела такое впервые – находчивые ребята заткнули курицей сливное отверстие и, наполнив раковину водой, пытались таким способом её разморозить.

Вдвоём с Викторией они порубили тесаком каменно-замороженную, неподатливую тушку и обмазали её найденной в

столе аджикой (чей это был стол, они не спрашивали, не у кого было спрашивать...) Начистили картошки, разожгли духовку, отскребли и отмыли закопчённый противень... Танечку отправили к ребятам, рассудив, что нельзя оставлять их без женского общества. Из комнаты доносились взрывы дружного смеха и музыка.

– Они там развлекаются, а мы с тобой... – сварливо начала Вика.

– А мы с тобой с курицей развлекаемся, – закончила за неё Тася, и обе рассмеялись.

Аромат жарящейся на противне курятины дразняще щекотал ноздри, сытным облаком выплывая из кухни и заполняя собой окружающее пространство. Дошёл до комнаты Анвара и выманил оттуда ребят, которые по очереди прибежали в кухню и жалобно просили Тасю с Викторией поскорей её испечь, «а то сил нет терпеть, так вкусно пахнет, и как это у вас получается, вы колдуньи, что ли?»

Толик в кухне не появлялся. Тася не придавала этому значения: имениннику положено развлекать гостей, а не бегать туда-сюда

– Куда твой Толик пропал? – не выдержала Вика

– Он не пропал, он гостей развлекает, – спокойно ответила Тася, которая уже порядком устала «праздновать»...

– А мы с тобой кто? – возмутилась Вика.

– А мы с тобой – временно исполняющие обязанности хозяйки, – улыбнулась Тася, а в сердце занозой покалывала

тревога.

Дружными бестолковыми усилиями был накрыт праздничный стол, на который Тася с Викторией под общий вздох восхищения водрузили блюдо (нашли на полке, чьё – спрашивать не у кого) с аппетитно зажаренными ножками, грудками и крылышками, пересыпанными сладким крымским луком, веточками зелёной кинзы и фиолетового базилика и политыми кисло-сладким ткемалевым соусом. Картошку подали прямо в кастрюле – исходящую ароматным паром, благоухающую свежесмолотым чёрным перцем (меленка нашлась в столе, перец горошком в банке со специями) и тмином – душистую, рассыпчатую, восхитительную...

Тася боялась, что картошки не хватит, но опасения были напрасными – ели понемногу, пили тоже не много, и не пьянели. Это было странно. Танечка толкнула Тасю под локоть и прошептала в ухо: «Странные они какие-то, и выпили-то всего ничего, а веселятся так, словно полведра водки уговорили...»

Тася устало опустилась на стул рядом с Толиком, чувствуя, как гудят ноги и удивляясь, что ей совсем не хочется есть. Толик веселился от души и вёл застолье, как заправский тамада. Были провозглашены традиционные тосты – за здоровье и благополучие именинника. За здоровье его родителей. Третий тост – в молчании – за погибших товарищей Анатолия, за тех, кто не сидит сегодня за праздничным столом. За Тасю бокалы не поднимали. И правильно, думала

Тася. Толик прав, зачем афишировать их отношения? Всему своё время...

Друзья Толика вели себя доброжелательно и не пьянели, хотя бутылок на столе было много. У Таси отлегло от сердца: она боялась этой незнакомой компании, из которой знала только Толика. Потому и отказывалась ехать. Зря она боялась, гости оказались воспитанными и не позволяли себе ничего «такого».

Наконец стол отодвинули к стене и начались танцы. Тасю пригласил Анвар – потому что Толик ушёл провожать Танечку, которая вдруг засобиралась домой, и никакие уговоры остаться ещё на полчаса не помогли. Пришлось хозяину провожать гостью до автобусной остановки. Остановка была в десяти минутах ходьбы от общежития, с учетом ожидания автобуса Тася ждала Толика минут через тридцать.

Но он всё не возвращался, и прождав больше часа, Тася заявила, что им с Викторией пора домой. Возражать никто не стал – понимали, что бесполезно. Тася с Викторией оделись, тепло попрощались с ребятами, но уйти не получилось: входная дверь оказалась запертой.

Поиски ключей не дали результата. Как выяснилось, Толик ушёл провожать Танечку, заперев квартиру ключом Анвара. Вся компания оказалась запертой. Второй ключ был только у Старого, но Старый на стук не отзывался и дверь не открывал, хотя в неё случали кулаками и колотили ногами добрых десять минут. До Таси наконец дошло, что её заперли

в чужой квартире неизвестно с кем. И сделал это её Толик.

– Я сейчас позвоню в милицию, они приедут и взломают дверь! – сказала Тася, и ребята... принесли ей телефонный аппарат.

– Звони. Только они никого не отпустят, разбираться будут. С нами.

– А за что... с вами надо разбираться? – опешила Тася, и её рука зависла над телефонным диском, так и не решившись опуститься..

– А потому что половина в общежитии не прописаны, а другая половина иностранцы, им вообще здесь... нельзя.

– Ка... какие иностранцы? Кто?

– Турки, кто же ещё? Турки, курды, румыны. А ты не знала? Ну, ты даёшь, он же турок, Толик твой, а на четверть румын, у него в Дагестане дом, в Румынии тётка, в Истамбуле двоюродный дядька, и здесь пол-Москвы приятелей, вот и пригласил...

Истамбул – это Стамбул, вот как. Они даже названия городов произносят по-своему. Толик никогда не рассказывал ей о своей родне, обмолвился только о родителях.

– А вы кто?

– Мы люди. Такие же, как все. Только милиция так не считает. Вас-то отпустят, а нам неприятности обеспечены. И Анвару.

Тасе стало жалко этих ребят, с которыми ей было хорошо и которых Толик, не подумав, запер в квартире. Они-то в

чём виноваты? Тася представила, как с ними будет «разбираться» милиция и, вздохнув, отодвинула от себя телефон. По комнате пронёсся вздох облегчения.

Снимать пальто они не стали, так и остались сидеть на табуретках в прихожей. Телефон ребята тактично им оставили, не попросили обратно. Ребята убрали со стола и носили в кухню посуду, неслышными тенями проскальзывая мимо них и не задавая вопросов. У Старого гремела музыка... Наконец, в замке щёлкнул ключ, дверь широко распахнулась и на пороге появился улыбающийся Толик.

– Я поеду. Поздно уже, мне домой пора, – только и сказала ему Тася. Толик кивнул и молча вышел вслед за ней. В молчании они втроём дошли до остановки, молча дождались автобуса. Когда он наконец приехал, Тася уже не чувствовала ног – мороз был вполне зимний, а сапоги демисезонными. На прощанье Толик обнял Тасю, но почувствовав, как напряглись её плечи, разжал руки.

– Ты чего?

– Я? Я ничего. А ты? Танечку ты тоже обнимал на этой остановке? Наверное, до самого дома проводил? – не выдержала Тася. Она ждала, что Толик будет оправдываться, или наоборот, разозлится и скажет ей: «Что ты несёшь? Ты с ума сошла! Зачем мне твоя Таня? Просто автобуса долго не было, и она замёрзла, и мы шли до метро пешком, шесть остановок... А ты что подумала?»

На негнущихся от холода ногах подняться в автобус у неё

не получилось, и Тася беспомощно оглянулась. Толик молча сомкнул руки на её талии и, легко подняв, поставил её на верхнюю ступеньку. Махнул рукой вслед уходящему автобусу и пошел к дому. Как же так? Проводил до автобусной остановки, а всегда – до самого дома провожал, до подъезда, – тоскливо думала Тася.

Двери автобуса закрылись, и Толик растворился в черноте наступающей ночи.

– А хорошо мы с тобой посидели, битых два часа в пальто, на табуретках, – попыталась разрядить атмосферу Вика. Но Тася не могла воспринимать шутки.

– Не два, а полтора. Его не было полтора часа, – монотонно, на одной ноте проговорила Тася. И тяжело вздохнув, закончила. – Танька на Профсоюзной живёт, ехать близко. Домой к ней ездил, наверное. Или к себе водил, в соседний подъезд.

– Да ты что говоришь-то! Остынь! – повысила голос всегда спокойная и рассудительная Вика. – Он же твой жених, ты говорила, свадьба скоро.

– Говорила. Ну и что с того? Не будет никакой свадьбы...

А ведь, пожалуй, и правда, не будет, – думала Тася. За весь вечер Толик ни разу не назвал её своей невестой, и о том, что собирается поехать с ней к его родителям, не обмолвился ни словом. Как же это? Почему? За что? – Мысли метались в голове, не находя выхода, и никто на свете не мог ей помочь. Кроме Толика.

Но Толик исчез, не звонил, не появлялся. Телефона у него не было, был только у Анвара, но звонить Анвару она не будет ни за что.

Она подождёт. Толик позвонит, никуда не денется. Ещё и прощения попросит за Таньку. За обман. А она, Тася? Простит ли? Ох, не хочется такого прощать... Она простит, куда же денется, она не может без него...

Тася задыхалась от охватившего её отчаяния, ревности и обиды, за которую Толик даже не извинился. Было невыносимо тяжело. Она и представить не могла, что будет так тяжело и так невыносимо. Промучившись две недели, Тася позвонила Танечке.

– Ну, как ты? Что новенького? Да, кстати, тебе Толик не звонил?

– Какой Толик? У которого мы на дне рождения были? – с едва уловимой запинкой переспросила Танечка. Или Тасе показалось? Нет, не показалось – запнулась, и дальше уже тархтела, как по накатанной лыжне ехала. – Да я его и не видела с того дня. И телефон ему не давала, больно мне надо... А что?

– Да ничего, так просто. Он тебя до дома проводил? – бухнула Тася.

– Ну... почти. Автобуса очень долго не было, а на улице метель, даром что март... Толик машину поймал, частника, а я садиться боялась, ехать ночью неизвестно с кем! Вот он и поехал со мной. Он такой заботливый... Я вышла, а он об-

ратно поехал, на той же машине, – тарыхтела Танечка.

Тася поверила бы ей, если бы не последняя фраза... Хитренькая Танечка «зачищала концы». Теперь послушаем, что расскажет Толик.

Но Толик ей не звонил.

Позабыв о гордости, Тася решила позвонить Анвару, телефон которого дал ей Толик, когда объяснял, как ехать к нему в общежитие. Но сколько Тася ни искала, так и не смогла его найти – листок с номером телефона исчез без следа.

Телефон Анвара она нашла через полгода, когда понесла в химчистку демисезонное пальто.

– Из карманов всё вынули, ничего не осталось? – усталым голосом спросила Тасю приёмщица. – Проверяйте. У вас тут карманов миллион, я за вас смотреть не буду.

Содержимое карманов Тася проверила ещё дома – они были пусты. Чтобы не обижать усталую приёмщицу, Тася вывернула карманы и проверила ещё раз.

– У вас тут внутренний, на молнии. Молнию расстегните, – не унималась приёмщица. – А то скажете, что оставили, а я прикарманила.

О внутреннем карманчике с молнией Тася и в самом деле забыла. Его пришила Тасина мама: никто не влезет, и можно положить самое ценное – ключи от дома, паспорт, деньги. Тася раздёрнула молнию. В карманчике лежала карамелька «Барбарис» и сложенный вчетверо листочек. На листочке был написан адрес общежития, номер квартиры и телефон...

Телефон Анвара! Мама права, это самое ценное, самое ценное...

– Вот видите! А говорили, ничего нет... Конфета растает, и вот вам пятно, будьте-нате! – сварливо выговаривала ей приёмщица, которую Тасе хотелось расцеловать в обе щеки.

– Спасибо вам!! Вы просто чудо! – сказала ей Тася на прощанье, и вышла, провожаемая удивлённым взглядом.

Телефон отозвался вечером следующего дня, и Тася с облегчением узнала голос Анвара (разговора со Старым, она не представляла. Что-нибудь вроде: «Извините, вы меня не знаете, но я вас знаю, вы мне дверь открыли. Не можете помочь найти друга вашего соседа Анвара? Который в вашу дверь лупил ногами, когда мы день рождения праздновали. И кричал: «Старый, открой! Открывай, придурок, ключ нужен! Не откроешь, я дверь высажу!», а вы притворялись, что не слышите». Душевный получится разговор...)

– Мерхаба (турецк.: здравствуйте), Анвар! – поздоровалась Тася, стараясь казаться беспечной. – Это Тася, знакомая Анатолия. Мы у тебя в марте день рождения отмечали. Он ещё запер всех, а сам с ключами уехал... Помнишь?

Анвар перешёл на турецкий. Тасе пришлось сознаться, что она ничего не понимает. В трубке раздался смешок.

– Помню, конечно – не очень убедительно сказал Анвар. – А Толик из общежития выехал, давно уже. Ему квартиру дали, он же «афганец», да с таким ранением...

– С каким... ранением?

– А ты что ж, не знала? А говоришь, знакомая...

– Он мне не рассказывал ничего. Сказал, поцарапало только...

– Ну... и поцарапало тоже. Ему квартиру дали, ремонт делают. Или сделали уже. А телефона у них нет, не поставили ещё.

– У кого – у них? – не поняла Тася.

– У Толика с женой. Он женился. А ты не знаешь? А говоришь, знакомая, – удивился Анвар, и Тася поняла, что он её не помнит.

– Прости, что время отняла. Прощай... – враз охрипшим голосом попрощалась Тася.

– Ну, прощай, знакомая. Эсэн калын (турецк.: будь здорова, до свидания), вежливо попрощался с ней Анвар. – Увидишь Толика, привет передай от меня. – И первым повесил трубку.

Тася долго слушала равнодушные короткие гудки, в которых ей слышалась безнадёжная, непроглядно-серая пустота, Если б она позвонила раньше! Если бы не потеряла телефон Анвара... Может быть, тогда...

–Ту-ту-ту-ту... Нет, нет, нет, нет... – отвечал телефон.

После истории с Толиком Тасе не хотелось ни на кого смотреть. Она и не смотрела. Пока не встретила Николая.

Глава 5. Николенька

Николай приходился племянником их соседке Валентине Кузьминичне. Бездетная Валентина два года назад похоронила мужа и теперь жила она, то и дело забегая к ним – посидеть. В один из её визитов, когда Валентина с Тасиной мамой пили на кухне чай и обсуждали новые шторы, купленные Тасей по случаю (в советские далёкие времена ничего нельзя было купить, можно только «достать»), и новые шторы были событием), в дверь позвонили – длинно и требовательно.

– Тася, посмотри, кто там, – попросила мама. Тася побежала открывать. На пороге стоял незнакомый парень – высокий, широкоплечий, с серыми красивыми глазами. Тася молча уставилась на него, не зная, что сказать. Ошибся, наверное. Дома в микрорайоне похожи один на другой, а таблички с номерами не сразу найдёшь... Сейчас он извинится, повернётся и уйдёт. И она его больше не увидит. Вот – бывают же такие...

Тася молчала, оттягивая неминуемое расставание, а парень мялся у порога и не уходил.

– Я из шестьдесят второй квартиры, – отрекомендовался парень, нарушив затянувшееся молчание. – Меня Колей зовут. Валентина Кузьминична сестра моего отца, тётка моя... Ва-ааль! Валя-аа! – неожиданно заорал Николай звучным баритоном, и Тася подумала, что у него красивый голос. Вот

– бывает же...

– Валентина, ты где? – оттеснив Тасю, обладатель баритона по-хозяйски протопал на кухню. – Ого! Чай, значит, гоняете? А меня кто кормить будет? Хватит уже гостевать, домой пошли! – приказным тоном объявил Николай тётке, но Валентина не обиделась, расплылась в улыбке: «Племянник мой, Николенька-Николай. Вымахал с колокольню, а тётку не уважает ни на грош! Чаю даже попить не дал».

Николай остался пить чай с испечёнными Тасей булочками. Она любила возиться с тестом, подолгу взбивая его миксером, отчего булочки получались воздушными. В начинку Тася добавляла жареные грецкие орехи и апельсиновые ароматные корочки, приготовленные особым способом и похрустывающие на зубах.

Николай почему-то решил, что булочки пекла Тасина мама, и рассыпался в похвалах, не переставая, однако, жевать. Тасина мама объяснила ему, что его комплименты не по адресу. Николай взглянул на Тасю и, отложив булочку, залился пунцовым румянцем, который удивительно ему шёл...

– Вы ешьте, раз нравится, – сказала ему Тася. – Я много напекла, целых два противня... На всех хватит и на завтра останется.

– Так он и завтра к вам зайвится, где пироги, там и он! Вот зря ты ему сказала, – рассмеялась Валентина...

...Встречались по субботам. Так решил Николай, и Тася с нетерпением ждала – суббот. Маршруты для прогулок

всегда выбирал Николай. Иногда это был Ботанический сад. Иногда парк культуры и отдыха на Крымском мосту. Третьяковская галерея. Старый Арбат. Музей-заповедник Коломенское. Кинотеатр «Зарядье». ВДНХ. И куда бы они не пошли, Тася всегда брала с собой его любимые булочки.

В те времена достать билеты на хороший спектакль было непростым делом. Билеты продавались с «нагрузкой» – к «хорошему» театру добавляли два «плохих», в которые не стоило идти: проще выбросить билеты, чем зря терять время. Даже в кинотеатр, если была премьера, приходилось выстаивать длинную очередь за билетами. Но для Николеньки (как называли его Тася с мамой, оставаясь наедине, потому что фамилия его была Никольцев, и звучала смешно – Николай Никольцев) – для Николеньки проблем с билетами не существовало.

– Хочешь, сходим в театр? Давненько мы с тобой там не были, – предложил как-то Николай. Тася никогда не ходила с ним в театр. Она представила себя – в театральном фойе, под руку с Николаем, одетую в финский персиковый шерстяной костюм, красиво облегающий фигуру (два часа в очереди в универмаге «Московский» и счастье, что ещё остался подходящий цвет). Костюм был Тасе к лицу, она ещё ни разу его не надевала.

– Хочу! – с энтузиазмом объявила она Николаю.

– А в какой ты хочешь? – последовал новый вопрос, и Тася растерялась. Ей хотелось в Большой, или в Ленком, или в

Сатиру. На худой конец в Кремлёвский Дворец Съездов, на балет (оперу в КДС она не вынесет, акустика там никакая).

– Я не знаю, – честно ответила Тася, не желая расстраивать Николеньку невыполнимой просьбой.

– Театр Сатиры подойдёт?

Тася восторженно выдохнула. О таком она не мечтала...

– Да, вполне. (К слову, театр Сатиры в те времена был столь же «доступен», как театр на Таганке с Владимиром Высоцким).

– Значит, мы идём с тобой в Сатиру.

– А когда? – с замершим сердцем спросила Тася.

– Как всегда, в субботу, – был ответ.

Через много лет Тася помнила тот поход в театр до мельчайших подробностей, словно это было вчера. Они с Николаем стояли у входа в театр и изучали афишу. Спектакль был в одном действии, но Тася не расстроилась: у них впереди уйма времени, они с Колей будут прогуливаться по фойе, и Тася предстанет перед ним во всём блеске: в новом костюме, к которому очень шли янтарные бусы и золотые серьги с солнечно-жёлтыми огоньками янтаря.

Старенькая благообразная контролёрша с улыбкой приняла у них билеты... и улыбка исчезла с её лица.

– Молодой человек, у вас ведь не в наш театр билеты, у вас – в театр «Эрмитаж», – растерянно сказала контролёрша.

– В «Эрмитаж»? – переспросил Николай. – Не может быть, я же их отдал... – Николенька наморщил лоб, сообра-

жая. У Тази упало сердце – и гулко билось где-то там, под ногами, не наступить бы...

– Я, кажется, билеты перепутал, – виновато сказал Николенька. – Понимаешь, я взял в «Сатиру» и в «Эрмитаж» – для сотрудницы, к ней родственники приехали из области.. Выходит, я ей наши билеты отдал, а в «Эрмитаж» себе оставил.

– Да что ж вы стоите, молодые люди! – прервала Николенькины путаные оправдания контролёрша. – Езжайте скорее, а то не успеете!

– Куда не успеем?

– Да в «Эрмитаж»! Спектакль хороший, жалко, если билеты пропадут, – старенькая контролёрша волновалась так, словно это она опаздывала на спектакль.

– А что, может, успеем? – предложил Николенька. И они со всех ног побежали к метро...

По эскалатору поднимались бегом, от «Пушкинской» бежали до театра как ошпаренные, по выражению Николеньки. В «Эрмитаже» давали «Тень» Евгения Шварца, до начала оставалось несколько минут. Купить программку они не успели, и едва разделись и нашли свои места, как свет погас и начался спектакль. Ах, что это был за спектакль! Актёры играли так, что у Тази захватило дух...

Когда занавес опустился и в зале вспыхнул свет, Тася ещё не вернулась из Италии эпохи Борджиа... Как во сне она встала и пошла к выходу. Николенька следовал за ней. Мол-

ча протянул гардеробщику их номерки, помог Тасе надеть пальто... И вдруг спросил:

– Тебе не понравился спектакль?

– Очень понравился! – с жаром ответила ему Тася.

– Тогда почему ты уходишь?

– Как почему? Спектакль ведь кончился.

– Он не кончился, – с сожалением произнёс Николенька. –

Будут ещё два действия. Но если тебе надоело, тогда, конечно, пойдём. В другой раз досмотрим.

– Как – два действия? В афише написано, спектакль в одном действии, я помню.

– Правильно. Только мы эту афишу у театра Сатиры смотрели, а это театр «Эрмитаж». И спектакль другой, в трёх действиях а мы с первого уходим, – уныло протянул Николенька.

– А я всё думаю, почему такой странный конец, а это не конец ещё! – рассмеялась Тася, скидывая Николаю на руки пальто. – Ну, что стоишь? Раздевайся и пойдём. В буфет уже не успеем, второй звонок был!

Вернув удивлённому гардеробщику пальто, они вернулись в зал, хохоча и передразнивая друг друга. Николая забавляла Тасина выходка. Девочка блеск, и одеваться умеет. Блеск! С такой не соскучишься. Как это она умудрилась спектакли перепутать? А он – театры перепутал! Определенно, они с Тасей друг друга стоят. Два сапога пара. Николай скосил глаза на Тасины замшевые сапожки с золотыми каб-

лучками, отметил, как красиво смотрится янтарь на персиковом свитере, как вспыхивают под ярким светом театральных люстр янтарные огоньки в её серёжках. Он был в восторге от Таши, а Таша была в восторге от Евгения Шварца и его «Тени».

– А с тобой не соскучишься. С первого акта уйти, это ж надо до такого додуматься! – поддел он Тасю по дороге домой.

– А с тобой тоже! Сатиру от Эрмитажа отличить не можешь, – не осталась в долгу Таша, и оба долго смеялись.

Случались и курьёзы. Как-то весной Николенька повёл Тасю в кафе-мороженое на ВДНХ. – Ты такого мороженого не пробовала ещё. И кофе там подают настоящий! Сама увидишь.

Напрасно Таша его отговаривала и просила подождать до лета. Мороженое она могла есть только летом, в другое время года она от него замерзала, и с этим ничего нельзя было сделать. Промерзала до самых костей. Николенька ей не поверил: «Говорю же тебе, там кофе горячий, согреешься».

Но она не согрелась. Кафе было открытое, столики стояли на продуваемой ветром веранде, а ветер был отнюдь не весенний. К тому же, Николай взял четыре порции мороженого – каждому по две, разного. Таша замерзла уже на первой порции – так, что даже нос у неё покраснел. На второй порции ноги в сапогах превратились в ледышки, Таша постукивала ими друг о дружку, стараясь согреться, но это не помо-

гало. Красными от холода пальцами она отодвинула от себя вазочку с мороженым, и потребовала обещанный кофе. Николенька щелкнул пальцами, подзывая официанта.

Тасю ждал сюрприз... Официант поставил перед ней бокал с кофе, в котором плавал шарик пломбира. Из бокала торчала соломинка. – Николай заказал кофе-гляссе! Гляссе стало последней каплей в чаше Тасинога терпения – холодной как снег, замораживающей душу каплей.

– Ты же мне кофе обещал! – вскинулась Тася.

– А это что, по-твоему? Это вкусно, ты попробуй...

– Ну, знаешь... – жалобно выговорила Тася (ей казалось – возмущённо) и резко отодвинув стул, поднялась из-за стола, Её трясло от холода, не хватало только кофе-гляссе...

Николай снял шарф, обмотал вокруг Тасиной шеи и завязал сзади узлом, как маленькой. И всю обратную дорогу хохотал, вспоминая обескураженное лицо официанта. Тасе было холодно и обидно, а Николаю было смешно, и Тася разозлилась уже по-настоящему, огрызаясь на шутки и отменяя все попытки её растормошить.

– Ты сегодня в ударе! Просто мегера, – объявил Николенька, улыбаясь. И Тася не поняла, шутит он или говорит серьёзно. Стояла и ждала, когда же он отпустит её и уйдёт. Николай взял её за руку и так – в завязанном сзади шарфе, как водят малышей, повёл к метро...

– Я думал, мы до вечера с тобой погуляем.. В круговую кинопанораму ходим, с горки ледяной покатаемся, ты же

любишь. Вот и покатались бы... – разочарованно протянул Николай. И встретив Тасин замороженный взгляд, поклади-сто согласился. – Ладно, поехали тогда домой. Я ж не знал, что ты так замёрзнешь, думал, ты пошутила. Ты ванну горячую налей, и полежи подольше, а то простудишься. У тебя наверное предки южане, на улице плюс пять, а ты как пломбир побелела... Как снегурочка...

Тася не ответила, какое ему дело до её предков... Да, предки у неё южане, и воспитание. На ни за что не признается Николеньке, потому что он испугается – её нехристианских предков. А Тася ими гордилась, и любила больше чем северян, таких как этот Николенька. Тася родилась в Москве, холода не выносила органически и обожала жару, чего нельзя сказать о москвичах, для которых плюс тридцать пять – конец света. Может, в помещении она бы не так замерзла от двух порций мороженого, но в открытом кафе... для неё это было хуже смерти. Николенька об этом не знал, и не надо.

Тася холодно кивнула на прощанье и ничуть не расстроилась, когда в следующую пятницу Николенька ей не позволил. Одну субботу можно пропустить. Ей с лихвой хватило прошлой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.